

Рецензия моя доктору А. А. Мельнику на его очерк о катастрофе на Фукусиме

Res tuta, doctor! «Великие народы обречены на великие страдания». Ибо Воля к Могуществу («*Wille zur Macht*» Fr. Nietzsche) всегда уравновешена в истории наличного (то бишь, явленного) мира Волею к Безответственности, так же как в электрогенераторе катод уравновешен анодом. И если разум не найдёт в себе в нужный момент решимости (λογισμός) перейти на следующую, более высокую ступень могущества, он вскоре упадёт в пучину страданий, совершенно закономерно порождённых безответственностью. «*Habe Muth dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!*» (нем.: «Имей мужество использовать собственный разум!») — именно эта максима является главным вкладом собственно Иммануила Канта в моральную копилку человечества. Посему совсем не далеки от истины те, кто утверждает, что всякому воинскому подвигу, связанному с задержкой крохотным соединением или даже одним человеком ускоренного продвижения многократно превосходящих сил противника в горловине фронта (те же Фермопилы, в частности), предшествует чья-то трусость, либо преступная халатность, благодаря которым такое продвижение стало действительностью.

Ведь что такое есть мировая история, как ни процесс постепенного выработки Справедливости в наличном бытии мира?! И поскольку здесь вырабатывается именно Справедливость, а значит, в основании процесса находится Свобода, понятая как полнота (πλήρωμα) всех вообще возможных событий пространственно-временного континуума («*Sein-Бытия*» М. Heidegger'a), то процесс истории в принципе не отвергает слёту никакого поворота событий, включая и самый трагический для человечества: <http://goo.gl/eqZXYL>. Поскольку самая степень вероятности того или иного события устанавливается только по ходу этого процесса, коль-скоро мир познаваем, т. е. устроен сколь-нибудь разумно, сообразно разуму. Но ведь разум это — всегда развёртывание Свободы в протяжённости вещества Творения, а, следовательно, делая тот или иной выбор, разум всегда творит и не творить не может, ибо творчество суть живая ткань разума.

Так! Но подойдя вплотную к высшим ступеням могущества, разум неминуемо сталкивается с неразрешимой задачей: как не спутать Всемогущества Бога — а Кант фактически требует, чтобы в минуту наиболее ответственного решения, разум ставил себя на точку зрения Господина всего Мира! — со вседозволенностью какой-нибудь Салтычихи? При том, что стена, отделяющая мою свободу от свободы другого, в силу экспоненциального роста числа связей меж ними, становится, по мере приближения к высшим ступеням могущества, всё более проницаемой. Невозможность же удовлетворительного решения заставляет отказаться либо от собственно решимости, либо от руководства разума в решающую минуту.

Ведь моя способность определять что-либо (προσδιορισμός), будучи финальным моментом, crescendo решимости (λογισμός'a) поручается здесь даже не другому, а всей массе объективированных связей между мною и другим! И уже не важно, что представляют собою эти обезличенные связи: невольников или машину (робота), — главное то, что когда им будет поручено определять почти всё, что некогда определял лишь я, сам я окажусь обезличен, ввиду утраты προσδιορισμός'a, который Хайдеггер несколько ходульно именовал Бытиём-к-Смерти.

«Мы воюем по-прежнему — сколько же можно?»

В Риме больше рабов, чем солдат в легионах!

Мне теперь уже кажется — все мы ничтожны

Перед этой громадою порабощённых».

— (Ю. Нестеренко).

Ибо разум, из-за скачкообразного роста могущества целого («целое» по-греч. — «ὅλον»), не в состоянии усвоить инобытия, чтобы оно стало полностью своим для него; в результате чего пути роста могущества (иначе говоря, пути Воли) становятся совершенно непрозрачны для разума и он, так сказать, закукливается в них, как гусеница в кокон — Ну чем не делёзова «δίζωμα»? — последовательно увязая в нигилизме и солипсизме.

Этот-то факт утраты лицом его προοδισμής'а и составляет сущность (ουσία) того, что Хайдеггер называл Gestell'ем (Поставом).

Торжество же Поставы — это всегда торжество геополитического, в узком смысле термина, мышления, когда на всё смотрят исключительно с точки зрения того или иного противоборствующего клана или влиятельного, но всё же частного, лица, но никогда не пытаются стать на точку зрения Господина всего Мира, т. е. на точку зрения Бытия в целом. А такое мышление, т. е. мышление именно ценностями как разнонаправленными частными векторами целого, будучи губительно для целого, поскольку решает разум всякого представления о целом и, значит, о Свободе, всегда, по словам Хайдеггера, рано или поздно завершается «радикальным смертоубиством», поскольку здесь уже не остаётся иной по сути воли, чем Воля к Безответственности, — завершается, по сути, Арконарской резнёю из великолепной по точности образов повести бр. Стругацких.

С глубоким уважением, Марат Зуф. Салихов, 17.12.2006 г.